

30K-1
13723

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМ. С. И. МЕНДЯ

ABAHMENT
ИМ. С. И. МЕНДЯ

БѢЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ

Дикая, бессмысленная травля „инородцевъ“, которая считается у насъ теперь высшимъ словомъ государственной мудрости и, раздуваемая наемными публицистами, возводится въ перлъ патріотизма, вызываетъ повсюду ростъ здоровыхъ національных стремленій. Земледѣльцы говорятъ, что иногда холодокъ, сѣрая погода да непрерывный, скучный мелкій дождь бываютъ нужны хлѣбамъ. Мы-то, городскіе жители, сердимся на скучное безвременье и впадаемъ въ хандру—а земля дѣлаетъ свое дѣло и раститъ здоровый хлѣбъ съ здоровыми сѣменами. Такъ и теперь: ужъ чего, кажется, назойливѣе и однообразнѣе этотъ ливень ограничительныхъ циркуляровъ, этотъ гулъ „патріотическихъ“ статей—а исторія дѣлаетъ и дѣлаетъ свою непрерывную, хотя и незамѣтную работу. Она поднимаетъ къ жизни долго дремавшія народности. Униженные и осмѣянные казеннымъ перомъ, онѣ лучше ориентированы въ своемъ положеніи; національная ихъ печать несетъ повсюду новыя, жизнетворныя стремленія и убѣжденія; интеллигенція, отщепившаяся отъ своего народа, возвращается къ нему. Таковъ процессъ, происходящій по всей Россіи. Привѣтъ ему, этому здоровому демократическому процессу: онъ распространяетъ истинное просвѣщеніе, приобщаетъ къ общегосударственнымъ интересамъ всѣ слои народа, объединяетъ ихъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ всякое официальное учрежденіе—какъ могла бы объединять развѣ Государственная Дума, если бы она была настоящимъ представительствомъ своей Россіи.

БѢлорусское національное возрожденіе пошло быстро съ 1905-го года, но пробужденіе народа насчитываетъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Какъ всегда и вездѣ это бываетъ у національностей пробуждающихся, сначала кучка интеллигентовъ, „смѣшныхъ идеалистовъ“, почувствовала свою кровную связь съ забытыми и темными народными массами, сердечно ихъ пожалѣла и стала писать для нихъ. Какъ въ украинской, такъ и въ бѢлорусской литературѣ дѣло началось съ пародій, съ подражаній. Уже въ XVIII вѣкѣ нѣкій В. П. Ровинскій перекла-

дываетъ малорусскую „Энеиду“ И. Котляревскаго „на смоленскій крестьянскій языкъ“, и переложеніе его пользуется большою популярностію у мѣстной мелкой шляхты. Потомъ, въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ долгаго перерыва, опять появляются произведенія на бѣлорусскомъ языкѣ. Выходятъ они изъ среды польскаго бѣлорускаго дворянства, такъ какъ другой интеллигенціи въ краѣ не было; русскіе чиновники, презиравшіе все на свѣтѣ, кромѣ двадцатаго числа, конечно оставались совершенно чуждыми народной массѣ. Но изъ того благороднаго демократическаго кружка, который образовался въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Виленскомъ университетѣ подъ названіемъ филаретовъ, вышли люди, проникнутые живымъ чувствомъ симпатіи къ народу. Другъ Мицкевича, Янъ Чечотъ, уже юношей сочиняетъ бѣлорусскіе стихи, а въ зрѣломъ возрастѣ продолжаетъ собраніе бѣлорусской народной поэзіи и самъ создаетъ рядъ удивительно удачныхъ подражаній ей. Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885 гг.) печаталъ по-бѣлорусски и народныя пьесы, и повѣсти, и стихи. Но еще долго все это оставалось курьезомъ, любительской поэзіей, проявленіемъ господскаго снисхожденія къ „народу“.

Съ 1891-го года дѣло мѣняется. Въ этомъ году выходитъ „Бѣлорусская дудка“ Бурачка—сборникъ стихотвореній, проникнутыхъ живымъ національнымъ сознаніемъ и снабженныхъ предисловіемъ. Консервативный историкъ этого движенія, самъ бѣлорусъ, но трепещущій передъ народнымъ движеніемъ, ректоръ Варшавскаго университета Е. О. Карскій, ставитъ въ упрекъ Бурачку, будто бы онъ „старается возбудить сепаратистическія стремленія національныя и литературныя, отстранить бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ и побудить ихъ къ выработкѣ самостоятельной литературы“. Это—обычный упрекъ людей, перешедшихъ на сторону господъ положенія и умѣющихъ видѣть въ національныхъ стремленіяхъ лишь пустую забаву, если не „крамолу“. Дѣйствительно, какъ опасно предисловіе Бурачка! Послушайте, что говоритъ авторъ. „Милые братья, дѣти Земли — моей Матери! Вамъ посвящая свою работу, я долженъ поговорить съ вами о нашей долѣ-недолѣ, о нашемъ родномъ исконномъ языкѣ, который мы сами, да и не одни мы, а всѣ темные люди зовутъ „мужицкимъ“, хотя онъ называется бѣлорусскимъ... Нашъ языкъ—такой же человѣческій и панскій, какъ и французскій или нѣмецкій, или какой-либо другой. Неужели же такъ на вѣки вѣковъ мы можемъ читать и писать только на чужомъ языкѣ? Хорошо и даже необходимо знать сосѣдскій языкъ, но прежде всего надо знать свой“. Такъ поэтъ старался пробудить въ своемъ народѣ уваженіе къ своей личности, стремленіе къ свободѣ. И онъ жаловался на трудность работы въ своей „Дудкѣ“: „Соракъ гадоу бюся, Ніякъ ня звярнуся, Ніякъ ня натраплю

Вадзицы хоць каплю, Ды такой вадзицы, Ды съ такой крыницы, Што якъ хто напѣнца Дыкъ вольнымъ стаѣнца!

Однако „капли свободной воды“, которую сорокъ лѣтъ искалъ Бурачокъ, упала не на бесплодную почву. Ростки свободы повсюду стали подниматься на бѣлорусской нивѣ, и къ 1905-му году мы видимъ уже довольно сильное движеніе, благодаря которому образовался издательскій кружокъ и появилась первая бѣлорусская газета. Правда, издатели были вынуждены работать не только безкорыстно, но и самоотверженно; правда, немало попытокъ разбилося объ административныя кары и преграды. Но подавить самое движеніе не удалось даже нынѣшней „твердой“ власти. Кажется, она поняла, что загнать его внутрь народа, сдѣлать легальное и невинное „преступнымъ“—было бы ужъ слишкомъ неблагоразумно. Конечно, будь это гдѣ-нибудь въ коренной Россіи, передъ такими пустяками не остановились бы; но вѣдь въ Бѣлоруссіи имѣется „недержавная“ народность, поляки. Слишкомъ прижать бѣлорусское національное движеніе значило содѣйствовать его полонизаціи, и бѣлорусской интеллигенціи позволяютъ, хотя и со всяческими препонами, дѣлать свою большую культурную работу, насаждать въ народѣ грамотность, распространять интересъ къ родному языку. Вотъ уже пятый годъ выходитъ еженедѣльная газета „Наша Нива“, единственный органъ, черезъ который въ глушь Бѣлоруссіи проникаетъ свѣтъ современной культуры. „Наша Нива“ сообщаетъ о работѣ Государственной Думы, о томъ, что дѣлается на Западѣ; она печатаетъ рассказы и стихи, выпускаетъ въ видѣ приложенія исторію Бѣлоруссіи, сборники стиховъ и т. д. За первые три года своего существованія „Наша Нива“ помѣстила 960 корреспонденцій изъ 489 деревень, напечатала 246 стихотвореній 61-го поэта и 91 рассказъ 36 различныхъ авторовъ. Можно сказать, что бѣлорусская газета дошла до самыхъ низовъ и вызвала съ ихъ стороны живой откликъ. „Наша Нива“ растетъ и развивается, хотя матеріально все еще жестоко бѣдствуетъ.

Просматривая этотъ журналъ съ первыхъ дней его существованія, я невольно обратилъ вниманіе на несомнѣнную талантливость нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ немъ. Отъ этой бѣлорусской поэзіи вѣяло такой непосредственностью живой любви къ родному краю, которая захватывала и читателя. Разумѣется, эта поэзія не сложна. Ей еще чужда утонченность настроеній міровыхъ литературъ. Мотивы ея просты и однообразны, какъ однообразно бѣлорусское Полѣсье; они грустны, какъ эта бѣдная, заброшенная страна, отрѣзанная въ иныхъ мѣстахъ на цѣлые мѣсяцы отъ общенія съ вѣшнимъ міромъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность человѣческаго духа, сознававшего свою индивидуальность, завоевать право свободнаго ея развитія обнаружи-

вается въ бѣлорусской поэзіи иногда такъ же ярко, какъ и въ мало-русской. Совершенно не знакомое съ прекрасной украинской поэзіей, съ ея удивительной задушевностью, и мягкостью, съ свѣжестью ея юмора, наше общество, вѣроятно, съ удивленіемъ узнаетъ о существованіи нѣсколькихъ бѣлорусскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ, вѣроятно, стали бы очень замѣтны, если бы они были написаны на великорусскомъ языкѣ. А можетъ-быть бѣлорусскимъ поэтамъ и нечего было бы сказать намъ, еслибы они были пересажены на нашу почву: вѣдь поэзія расцвѣтаетъ лишь у себя дома, подъ своимъ небомъ, питаясь соками *родной* земли. Являясь выраженіемъ народнаго душевнаго склада, эта поэзія раскрываетъ намъ то самое святое, чѣмъ живетъ масса, чаще всего полусознательно. И какъ въ стихахъ и разсказахъ украинскихъ писателей мы видимъ мучительный вопросъ о судьбахъ „недержавныхъ“ народностей, горячій призывъ къ „нероднымъ сыновьямъ родной матери“ вернуться домой, въ среду своего народа, страстное возмущеніе ренегатствомъ и мощное чувство любви къ милой родинѣ, такъ и въ бѣлорусской поэзіи эти ноты выступаютъ на первый планъ.

Въ послѣдніе годы, какъ поэты, выдвинулись *Янка Лучына* (Иванъ Неслуховскій), авторъ сборника стиховъ „Вязанка“ (1903), *Міцкей Краніука*, *Эдзюкъ Будзика* и многіе другіе, помѣщающіе въ каждомъ номерѣ „Нашей Нивы“ порою неискусные, мало оригинальные, но всегда горячіе, искренніе стихи, которые, навѣрное, находятъ широкій откликъ въ народныхъ массахъ. На первое мѣсто слѣдуетъ поставить трехъ поэтовъ: *Янка Купалу* („Жалейка“, 1908), *Якуба Коласа* („Песни-жалобы“, 1910) и все болѣе выдающагося *Максима Богдановича*. Первые двое, какъ мнѣ сообщаютъ изъ Вильны, „дѣйствительно сыны народа, выросшіе въ мужицкой хатѣ, что даетъ намъ право въ ихъ душахъ видѣть проявленія души всего народа“. Что касается послѣдняго, то, по опредѣленію того же лица, „это уже индивидуалистъ въ сопоставленіи съ двумя первыми. У него проглядываетъ нѣжная, особенно интеллигентная душа, и эта ея филигранность можетъ быть залогомъ развитія. Для уясненія его переживаній интересно знать нѣкоторыя данныя изъ его жизни: это — юноша восемнадцати-девятнадцати лѣтъ, гимназистъ восьмого класса, болѣзненный, сынъ бѣлоруса (раньше, кажется, народнаго учителя), переселившагося лѣтъ двадцать тому назадъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ Максимъ Богдановичъ и родился. Года два тому назадъ онъ случайно познакомился съ изданіями на бѣлорусскомъ языкѣ и пробудился въ національномъ отношеніи. Пробудившееся чувство отдаленія отъ родины, которой онъ никогда не видѣлъ, но о которой онъ зналъ отъ отца, равно какъ болѣзнь, и повліяли на созданіе этого новаго

типа, пока одинокаго, въ семьѣ бѣлорусскихъ поэтовъ“. М. Богдановичъ — одно изъ обычныхъ явленій, сопровождающихъ національное пробужденіе народовъ: тонкая и чуткая натура, охваченная стремленіемъ вернуться къ униженному и забытому народу. „Ни одинъ сытый не можетъ такъ играть, какъ играетъ народное горе“, писалъ этотъ юноша въ 1907-мъ году, въ символической легендѣ о происхожденіи поэзіи.

Въ этомъ очеркѣ я остановлюсь на четырехъ бѣлорусскихъ поэтахъ: Янкѣ Лучынѣ, Янкѣ Купалѣ, Якубѣ Коласѣ и М. Богдановичѣ. Не лишнее упомянуть, что въ братской украинской литературѣ слѣдятъ съ живымъ сочувствіемъ за процессомъ бѣлорускаго національнаго возрожденія. Одинъ изъ львовскихъ писателей посвятилъ этому процессу довольно обширную работу (И. Свяцицькій, „Видрожденне білоруськаго письменства“, 1908) и привелъ въ ней нѣсколько политическихъ бѣлорусскихъ стихотвореній, которыя по условіямъ нашей печати не могли появиться въ виленской „Нашей Нивѣ“. Характерно, что и въ этихъ стихотвореніяхъ вовсе не обнаруживается пресловутаго „сепаратизма“, который такъ неразумно и, я сказалъ бы, съ такою опасностью для государства наши націоналисты усматриваютъ во всякомъ національномъ движеніи. Содержаніе ихъ обычно для всей русской освободительной поэзіи. „Паустаньце! край ваш стогне родны, заве збауляць, як звау не раз. Паустаньце, глянць, Боже милы, свабода сонцэ вась заве! Крыху адваги й дружнай силы, а шчасце вечна зацвѣяце!“ (Встаньте! Стонетъ вашъ родной край, зоветъ спасти его, какъ звалъ не разъ. Встаньте, взгляните, Боже мой, вась зоветъ солнце свободы. Немного отваги и дружной силы, и счастье зацвѣтетъ навѣки).

Янка Лучына ставитъ на первомъ планѣ вопросы соціального положенія народа. Его сборникъ, вышедшій въ 1903-мъ году, является предзнаменованіемъ того общаго движенія, которое въ 1905-мъ году разразилось грозной бурей надъ всей Россіей. И скорбь по народной темнотѣ и бѣдности, и вѣра въ громадныя силы, заложенныя въ немъ, и молодой оптимизмъ, убѣжденный, что „счастье будетъ, какъ пчелкамъ въ ульѣ“: все это внушаетъ Лучынѣ истинно-поэтическія нотки. Вотъ его обращенія къ сѣверному вѣтру:

Эй ты, сиверь,—ня дзми!.. не патрэбенъ ты намъ,
Адъ полудня цяпу зъ тобой ходу нима!
Хоць бы разъ безъ цябе зарунець бы палямъ,
Хоць бы разъ у свой часъ адышла бы зима!
Устрапянууса бы духъ у чалавѣчай грудзи,
Ды й забыли бы мы морэ смутку ды й слезъ
Сцяхни, сиверь, хоць разъ, на лясохъ ня гудзи,
На далеку акіанъ убяжи ты, марозь!

Эй ты, сѣверъ, не дуй. Ты не надобенъ намъ,
 Намъ съ тобой не дожидаться отъ юга тепла,
 Хоть бы разъ безъ тебя пробудиться полямъ,
 Хоть бы разъ въ свое время зима-то ушла!
 Встрепенулъ бы духъ въ человѣчьей груди,
 И забыли бы мы море скорби и слезъ,
 Стихи, сѣверъ, хоть разъ, по лѣсамъ не гуди,
 И къ далекимъ морямъ убѣги ты, морозъ!

Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ „Родной Сторонкѣ“, мы слышимъ то же заунывное, чисто народное, бѣлорусское причитаніе надъ бѣдностью и темнотой Бѣлоруссіи. „Ты намъ раскинулась, лесомъ, балотами, выдмай песчаную, неураджайною, маці зямлица, и умалотами хлеба надъ мерку не дашъ звичайную. А сынъ твой беднай адзетъ сермягаю, зъ лыка плеченые лапцы абууты, едзе драбанами, цы калымагаю, конемъ, ште уягне, якбы заснуушы... Усе у табе бедна. Часта заплачэ мужыкъ араты дзеля злой доли, цяжка працуючы“...

Тѣ же мотивы проходятъ красной нитью въ „Жалейкѣ“ Янки Купалы, но техника его стихотвореній выше. Рѣзче выступаетъ и народная струя въ языкѣ. Стихи Лучыны пойметъ всякій образованный русскій человѣкъ — для пониманія Янки Купалы нужно знакомство съ бѣлорусскимъ словаремъ. И рядомъ съ горькой нотой въ стихахъ этого поэта-крестьянина выступаетъ уже нѣчто новое: вѣра въ будущее Бѣлоруссіи. „Я мужикъ-бѣлорусъ“, — заявляетъ онъ, — „Темный самъ, бѣлый усь. Эхъ, кабы темный не былъ, читать книжки умѣлъ, я бы счастье добылъ, я бы пѣсенки пѣлъ! Я сумѣлъ бы сказать, что и я человѣкъ, что и мнѣ горевать надоѣло весь вѣкъ“. Это еще очень примитивное, но тѣмъ болѣе понятное народу, тѣмъ болѣе связанное съ нимъ сознаніе социальной неправды проходитъ красной нитью въ „Жалейкѣ“ Купалы, съ тѣмъ однообразіемъ, которое такъ обычно въ народной поэзіи. Жалобы на пана, который гонитъ арендатора изъ избы, патетическое восклицаніе: „Не праклинайце лапцяу липовыхъ, не пагарджайце лапцяу лазовыхъ“, воспѣваніе сохи и бѣдной хатки, стихійная радость приходу весны и грусть съ наступленіемъ осени и зимы, непрерывный стонъ надъ народной бѣдностью, темнотой и безправіемъ — вотъ содержаніе стихотвореній Янки Купалы. Таково и самое характерное изъ нихъ: „А кто тамъ идетъ“.

А хто тамъ идзе, а хто тамъ идзе?

У вагромнистай такой грамадзе?

— Беларусы.

А што й ны пасуць на худыхъ плечахъ,

На у лапцяхъ нагахъ, на у крыви рукахъ?

— Сваю крыуду.

А каму нясуць гэту крыуду усю,
А куды нясуць на наказ сваю?

— На светъ цэлы.

А хто гэтай йих, не адзин мільён,
Крыуду несць научыу, разбудзю йих сон?

— Беда, гора.

А чагож, чаго захацелась йим,
Пагарджаным век, йим сляным, глухим?

— Людзьми звацца.

Сборникъ „Песни-жалбы“ Якуба Коласа самымъ своимъ названіемъ опредѣляетъ господствующій тонъ его стихотвореній. Но содержаніе ихъ сложнѣе, чѣмъ у Янки Купалы. Здѣсь преобладаютъ картины природы, иногда такія изящныя и поэтическія, что невольно останавливаешься надъ ними. Въ Якубѣ Коласѣ чувствуется дѣйствительный поэтъ, умѣющій находить *свои* слова для давно описанныхъ образовъ. Этихъ картинъ, взятыхъ изъ родной земледѣльческой природы, такъ много въ сборникѣ, и такъ онѣ своеобразно прочувствованы поэтомъ, что по нимъ можно было бы просто составить альбомъ крестьянской, сѣрой, не польской и не великорусской, а совсѣмъ особенной „сермяжной“ Бѣлорусси.

„Ціха калосься, схіліўшы галовы,
Шэўчуць у межах палёў;
Толькіж ня слухае неба іх мовы —
Жальбы ржанных калосоу.
Сіняе небо усё сонцам заліто;
Полудзень, вар, цішына“...

Тихо колосья, склонивши головки,
Шепчуть на межахъ полей;
Только не слушаетъ небо ихъ жалобъ,
Ржанныхъ колосевъ рѣчей.
Синее небо все солнцемъ залито,
Полдень, жара, тишина...

А вотъ о колосѣ, выросшемъ случайно среди травы. „На соломиѣ тонкой средь травы глухой, спѣетъ, dospѣваетъ колось сиротой. Можетъ, пташка Божья бросила зерно, или залетѣло съ бурей оно, или конь изъ торбы какъ-то уронилъ на чужую пашню зерно посадилъ“. Приходитъ весна. „И зима, какъ дымъ, пропала, зеленѣетъ лугъ, поля, и очнулась, какъ отъ боли, наша родная земля“. Картины природы сплетаются съ длинными, однообразными, обычными въ бѣлорусской поэзіи картинами крестьянской доли. „Пока жить ты себе-решься, умирать уже пора“. „Рѣдкое жниво, травы половина, колось не гнется зерномъ до земли“. „Наше поле дрянно родить, бѣдно здѣсь живетъ народъ, и въ грязи онъ, бѣдный, ходитъ, а трудится—

лется потъ. Грустно смотреть деревеньки, глянешь—сердце заболить, на дворѣ полѣнья, бревна, куча мусору лежитъ. Крестъ сосновый на дорогѣ, кучка тополеи сухихъ; тихо, скучно, какъ въ острогѣ, какъ среди могилъ своихъ. А какъ пѣсня понесется, сколько въ пѣснѣ, той бѣды! Убѣжалъ бы я, сдается, самъ не вѣдаю, куды! Край нашъ родный, бѣдно поле, ты глядишь, какъ сирота; грустенъ ты, какъ наша доля, какъ ты—наша темнота!“ Якубъ Коласъ не даромъ упоминаетъ объ острогѣ; цѣлый рядъ его стихотвореній объединенъ общимъ названіемъ: „Изъ тюрьмы“. Впрочемъ, не Коласъ одинъ посылаетъ въ „Нашу Ніву“ свои стихи изъ тюрьмы. „С турмы“ грустно-гнѣвное стихотвореніе шлетъ Эдзюкъ Будзько.

Максимъ Богдановичъ пишетъ по-бѢлорусски, но мотивы его поэзіи—общечеловѣческіе, не тѣсно-народные. „Какъ надъ бѣлымъ пухомъ вишенъ, точно синій огонекъ, бьется, вьется быстрый, легкій, синекрылый мотылекъ. А вокругъ него весь воздухъ въ струнахъ солнца золотыхъ, онъ дрожащими крылами еле слышно звонитъ въ нихъ. И хвалою льется пѣсня, тихій, ясный гимнъ веснѣ. Иль его мнѣ напѣваетъ, напѣваетъ сердце мнѣ? Можетъ быть, то вѣтеръ звонкій въ тонкихъ травкахъ шелеститъ, иль камышъ сухой, высокій тамъ у берега шуршитъ? Не понять и не развѣдать, никогда мнѣ не узнать, не дадутъ мнѣ думать звуки, что летятъ, дрожатъ (звѣняць). Пѣсня рвется, пѣсня льется на раздольный вольный свѣтъ; кто пойметъ, ее, услышитъ? Только, можетъ быть, поэтъ!“

Такова современная бѢлорусская поэзія, грустная, небогатая темами и образами, поэзія народа, истосковавшагося въ безнадежномъ подчиненіи чужимъ культурамъ и религіямъ. Мало было народовъ, съ которыми исторія продѣлала бы столько экспериментовъ, какъ съ бѢлорусскимъ. Сначала самостоятельныя княжества были завоеваны литовскими князьями, но бѢлорусскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ ихъ государства. Потомъ пришло польское владычество, съ его презрѣніемъ къ крестьянству и къ хлопской вѣрѣ. Іезуиты насадили унию; шляхта водворила польскій языкъ. Екатерина II присоединила бѢлорусскія губерніи къ Россіи подъ видомъ возстановленія древняго единства русскихъ земель, хотя Московское государство никогда не владѣло ими. Было возстановлено православіе при Николаѣ I. На бытовыя особенности населенія, на его многовѣковую собственную исторію обращалось мало вниманія, точно Минская или Гродненская губерніи ничѣмъ не отличаются отъ Тверской. Населеніе чувствовало себя приниженнымъ, еще болѣе приниженымъ, чѣмъ въ Великороссіи. И вотъ теперь началось его національное пробужденіе, выражающееся, какъ показываетъ его поэзія, въ сознаніи своего человѣческаго я. Это движеніе еще слабо, еще

ограничивается десятками активных работников и немногими тысячами сочувствующихъ. „Ты съешь... а гдѣ твое живо?“ — спрашиваетъ Янка Купала въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Замретъ ли это движеніе, или ему суждено разростись, и весь бѣлорусскій народъ проникнется сознаниемъ своихъ національныхъ правъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ категорически. Я думаю, что дѣло бѣлорусскихъ національныхъ дѣятелей чистое и хорошее, что оно несетъ въ глухіе закоулки бѣдной страны и первыя знанія, и интересъ къ книгѣ, и жажду разумной, осмысленной, достойной человѣка жизни. Я думаю, что ихъ трудъ не безплоденъ, и въ томъ или иномъ направленіи, можетъ-быть неожиданномъ для нихъ самихъ, принесетъ жатву. Какъ ни сильно на свѣтѣ зло, все-таки добро въ концѣ-концовъ побѣждаетъ его, и если самоотверженный, безкорыстный трудъ бѣлорусскихъ работниковъ пробудитъ гражданское и человѣческое сознание въ забытыхъ бѣлорусскихъ массахъ, то и это будетъ святой результатъ ихъ дѣятельности, хотя бы имъ и не удалось, скажу болѣе — не понадобилось создать особый литературный бѣлорусскій языкъ. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ будущаго, который разрѣшитъ исторія.

А. Погодинъ.

